

Особенно ярко это проявляется в характеристике императора Константина. Филосторгий, являясь продолжателем «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, вместе с тем дает совершенно иную оценку деятельности Константина, чем отец церковной истории Евсевий. Идеализированному и героизированному образу первого христианского императора, созданному Евсевием, противостоит у Филосторгия полнокровный, жизненно правдивый в своей противоречивости портрет этого правителя империи. В «Житии Константина», восходящем к Филосторгию, этот император соединяет в своем лице нового Нерона с благочестивым, хотя порою заблуждающимся монархом.

В «Житии Константина» этот прославленный герой вовсе не окружен ореолом святости. Напротив, он предстает перед нами столь же грубым и решительным, сколь умным и проницательным. Очень практичный и деятельный, Константин, согласно житию, отнюдь не был щепетильным в выборе путей и средств для достижения цели. Когда ему было нужно, он мог казаться честным, мягким, полным доброжелательства. Но в глубине души он был хитрым и скрытным и мог совершенно неожиданно стать свирепым и беспощадным и нанести смертельный удар противнику. В изображении жития Константин был прежде всего человеком действия. Образ Константина дается в динамике, показана его внутренняя эволюция.

Филосторгий оценивает Константина отнюдь не однозначно. Он видел и его достоинства, но не скрывал его пороков и злодеяний. Поэтому версия Фотия, что Филосторгий намеренно чернил Константина и видел в нем лишь отщепенца, осужденного на вечное проклятие, не выдерживает критики и опровергается «Житием Константина».

Филосторгий признает, что, когда император шел к власти, ему сопутствовало счастье и покровительство провидения, дарившего ему победы. Когда же Константин пошел по пути злодеяний и вероломно избавился от многих своих родных и друзей, ставших для него помехой, он, по словам Филосторгия, возродил кровавые времена Нерона. Он дважды разоблачает кровавые семейные тайны этого правителя. Один раз он говорит, что Константин убил собственного сына Криспа, оклеветавшего мачеху, потом и ее саму, обнаружив ее прелюбодеяние с одним придворным из сословия всадников, повелел удушить в банном жару⁴². В другом месте арианский историк, приводя диалог между императором Юлианом, всячески поносившим Константина за принятие христианства, и мучеником Артемием, защищавшим Константина, хотя и не отрицает этого убийства, но уточняет его причину: «Жену же Фавсту он предал смерти совершенно справедливо, потому что она, подражая древней Федре, клеветала на сына его Приска⁴³, будто он питал к ней страсть и намеревался совершить над ней насилие, подобно тому как и та [клеветала] на Ипполита, сына Тезея. В согласии с законами природы отец почувствовал отвращение к сыну, но впоследствии, узнав истину, предал смерти и жену, приговорив ее к наказанию, самому справедливому из всех»⁴⁴. Филосторгий не утаивает и того, что Константин был отравлен своими братьями⁴⁵.

Вызывает критику историка и церковная политика императора Константина. Поддержка, оказываемая этим правителем сторонникам православия, привела, по мнению Филосторгия, к беспорядкам в церкви. Но Константин, избавившись от заблуждений, в частности, в отношении Ария и его друзей, отменил решения Никейского собора и поддержал евномианина Аэция. Естественно, подобная эволюция церковной политики императора вполне импонирует Филосторгию.

⁴² *Philostorg.*, II, 4.

⁴³ Здесь у Филосторгия ошибка, надо читать Криспа.

⁴⁴ *Philostorg.* Apologie des Christentums gegen Kaiser Julian, 45.

⁴⁵ *Philostorg.*, II, 4.